

The background of the cover is a detailed painting of a shipwreck. A large, dark, and heavily damaged ship is partially submerged in shallow, rocky water. The ship's hull is exposed, showing intricate details of its structure and the extent of its decay. In the distance, two small figures in a boat are visible on the water, and a large, white, rocky island or headland rises from the sea under a dramatic, cloudy sky. The overall mood is somber and evocative.

Павел Фантоzzi

**ПОСТОЯНСТВО
ПАМЯТИ**

Рассказы

Павел Фантоzzi

Постоянство памяти. Рассказы

«Издательские решения»

Фантоzzi П.

Постоянство памяти. Рассказы / П. Фантоzzi — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932601-0

Сборник рассказов «Постоянство памяти» включает в себя истории об обычных людях в необычных обстоятельствах. Об их безумствах, страхах и поисках истин. Истин, которые мы сами себе в итоге ставим за путеводный ориентир. Истин, ради которых готовы на пойти на всё, лишь бы сделать еще один глоток кислорода.

ISBN 978-5-44-932601-0

© Фантоzzi П.
© Издательские решения

Содержание

Постоянство памяти	6
1	6
2	9
3	11
4	14
5	16
6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Постоянство памяти

Рассказы

Павел Фантоzzi

© Павел Фантоzzi, 2018

ISBN 978-5-4493-2601-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Постоянство памяти

1

Завернув за угол, Михаил увидел такси, томно ожидающее его. В тени калифорнийского дуба ярко желтый цвет автомобиля вселял надежду. Спасительный окрас, точно светлый якорь в пекле окружающего мира. Даже несмышленный ребенок, попроси его изобразить цветными карандашами погоду сегодняшнего дня, несомненно, выберет красный. Кропотливо, словно обезвреживая тикающий взрывной механизм, он заполнит альбомный лист от края до края, не оставив и единой белой пробрешины.

Миша ускорил шаг в предвкушении прохладного воздуха, созданного автомобильным кондиционером. Островок пролады, напоминающий сказочный оазис умирающему от обезвоживания путнику в пустыне, на расстоянии пару шагов. Это небольшое расстояние издевательски лениво плавилось между ними.

Закрыв за собой дверцу, внутри автомобиля Михаила ожидало разочарование. Температура в салоне была лишь на пару градусов ниже, чем снаружи. Мелкая капля пота выскочила словно из ниоткуда скатилась на кончик носа, замешкалась на краю и была беспощадно стерта рукавом.

- Жара – изрек невероятную глупость водитель.
- Что с кондиционером? Он включен?
- Да. На полную мощность, но не справляется.
- Ладно, не важно. Поехали быстрее. Набережная, кафе «Белое безмолвие». Знаете?
- Да, конечно.
- Отлично.

Желтое такси тронулось с места. Таксист Элюар Лорка из Франции, как гласили его водительские права, прикрепленные веревочкой к зеркалу заднего вида, замолчал. Зеленая елочка, освежитель воздуха, так не уместно смотревшаяся в салоне из-за своего зимнего вида, забавно кружилась в воздушном танце с удостоверением Элюара.

Обычно людный город Лос-Анджелес сейчас казался покинутым. Брошенным в духовку рукой бога до последующего приготовления. Или преобразования? Проезжая сквозь его плоть, по его тонким рекам горячего асфальта, отсутствие людей казалось разумным и единственно возможным вариантом пейзажа для умирающего мира. Умирающего сегодня и сейчас. Горящего в огне и готового воскреснуть из пепла в прохладе вечерних сумерек.

Время вязкой субстанцией тянулось и нехотя двигало стрелки часов. Михаил, уставившись на свои наручные часы, как ему казалось, наблюдал невиданное доселе явление скачков времени. Секундная стрелка двигалась то вперед, то назад. Все это вкупе с нестерпимой жарой вызывало подкожный зуд опаздывающего на собственную казнь. Михаил мог бы поклясться, что он не успевает, определенно опаздывает как минимум на вечность, что непростительно и неприемлемо для него. Он не мог понять, куда и зачем спешит. Но точно чувствовал, что не успевает.

Параноидальные мысли, точно рой пчел, с мерзким жужжанием завибрировали в голове, неустанно повторяя: «ты не успеешь, ты не успеешь, ты не успеешь». Их голоса, слившиеся в единый мощный бас, были так реальны, что казалось, водитель Лорка их тоже слышит.

Сосредоточиться на объективно осязаемых вещах не было возможным, эти голоса буквально выжимали из него все соки. Потовыделение усилилось втрое, сердце, словно пытаясь увидеть солнечный свет рвалось наружу, намереваясь взять на таран грудную клетку.

И блики, мелкие белые точки были повсюду, за чтобы ни касался его взгляд. Точно пробуждающиеся звезды на темном полотне неба. И их становилось все больше.

– Завидую я вам, через пару минут вы будете сидеть в кафе попивая прохладные напитки, а мне еще до конца смены колесить. Знаете, детей кормить надо, да и жена хоть та еще стерва, но бросить не могу. Как говаривал мой отец:...

– Мы уже близко? – Прервав жалобную словесную тираду, спросил Михаил.

– Ну да, я ж и говорю, вот за этим поворотом, видите? В квартале от нас. Впереди.

– Да вижу, а можете здесь остановиться? Дальше я сам дойду.

– Точно? Может, я уж довезу? А то вы как-то странно выглядите, мистер. Если вам очень худо, могу порыться в аптечке, может что и найду. Я конечно не обновлял её с того момента как купил эту ржавую рухлядь, то есть лет десять назад, но она все же есть. Если уж на то пошло, а зачем существуют больницы? Я же не врач, в конце концов. Плохо – в больницу, хорошо – в психбольницу.

Тут Лорка засмеялся, не скрывая гордости за свежевывдуманую шутку.

– Я это к тому, что всем нам одна дорога.

– Да, да. Остановите автомобиль.

– Хорошо, как скажете, мистер.

Проводив взглядом удаляющееся желтое такси, Михаил побрел в направлении кафе. Насколько он помнил, оно действительно располагалось близко. Осталось пройти около ста метров до перекрестка, свернуть налево и на горизонте замаячит вожаденное питейное заведение. Уже долгие годы оно славилось своими непревзойденными прохладительными алкогольными коктейлями. В сочетании с умиротворяющим видом на бескрайнее море с небольшой террасы примыкающей к кафе, словно укореняло постулаты о всевозможности и вседозагаемости, о бесконечности жизни и плавного перетекания из иллюзорной сущности в плоскость осмысленных и осязаемых вещей.

Пробираясь сквозь плотный раскаленный воздух, будто шагая по дну океана, Миша миновал перекресток и вдали появилось выгоревшее на солнце, но все еще белого цвета, одноэтажное здание кафе. Расставленные столы, укрытые от солнца огромными зонтами, одиноко пустовали. Но все же сквозь большие окна кафе было видно, что внутри теплилась жизнь. Человеческая жизнь, во всей её хаотичной красоте.

Незапланированная прогулка, как ни странно, позитивным образом отобразилась на состоянии здоровья Михаила. Зрению вернулось четкость изображения, пропали блики, голоса в голове затихли или как минимум притаились.

Остановившись уже возле входа в кафе, Миша закрыл глаза и вдохнул морской воздух в надежде уловить хоть чуточку морской прохлады. Он достал старый носовой платок из кармана брюк, вытер лоб от собравшегося пота и намеревался войти туда, где, вопреки названию заведения, было довольно шумно. Туда, где два официанта суетились возле посетителей за большим столом, бармен без остановки наливал какие-то напитки, и компания из шести людей заливалась смехом, распространяя свое веселье на всех окружающих. Туда, где возле барной стойки молодой человек одиноко читал газету, попивая прозрачный напиток через соломинку. Именно он привлек внимание Миши.

Весь сумасшедший набор, ослабивший свою хватку, в миг вернулся. Рой загудел во всю мощь, блики практически полностью закрывали собой обзор. И этот парень. Парень – ювелирная копия Михаила. Один в один. Идентичный пробор и цвет волос, перстень на мизинце правой руки, доставшийся на память от отца, любимая, выстиранная практически до дыр, рубашка в клетку и шрам. Шрам под левым ухом – результат падения с дерева в далеком детстве. Тогда, как помнил Михаил, обливаясь собственной кровью, хлеставшей из пореза в виде улыбки, он был уверен, что умрет. Сейчас же это чувство вернулось, точно не покидало его все эти годы.

Колени Миши затряслись и, не выдержав веса нахлынувшего на него ужаса, он упал на землю. Уже лежа на левом боку, задыхаясь, он слышал голоса. Уже не роя, а людей. Хотя, а есть ли разница? Сквозь белую пелену отгородившей его от мира, он чувствовал прикосновения чьих-то рук. Чьих-то далеких и неживых.

2

Через запотевший прозрачный пластик видно было только мерцание красной лампы. Сигнала тревоги. Очевидно, даже здесь выспаться не дано.

Маршал, капитан космического корабля «Одиссей», закованный в капсулу гибернации, установленную вертикально и напоминающую скорее гроб с окном, открыл глаза. По запланированному и утвержденному Министерством Межгалактических Колонизаций графику сна, еще определенно заблаговременно подавать кофе в постель.

Овальной формы помещение главного управления корабля мерцало яркими вспышками красного и иногда желтого цвета. В выпуклой его части расположись шесть капсул гибернации для экипажа. На противоположной стороне – мониторы и пульта управления. По центру же находился огромный стол, дублирующий форму комнаты с голографической картой галактики и занимающий треть помещения.

Учащающееся дыхание Маршала тяжелыми молочными парами оседало на внутренней стороне капсулы, затуманивая обзор. Беспорядочные мысли структурировались в голове в порядке важности. И первая из них, кричащая в панике гласила о необходимости выбраться из этого замкнутого пространства. Ведь, очевидным был факт, что программа выхода из гибернации дала сбой.

Искусственно замедленная жизнедеятельность организма возвращалась к привычной норме, отсутствие достаточного количества кислорода ускоряла мыслительные процессы, направленные на выживание. И, тем не менее, первая попытка освободиться была продиктована подсознанием, безусловным рефлексом: сжать кулаки и выбивать себе путь к свободе.

Не возмев успеха, разум перехватив борозды правления, намереваясь доказать свое превосходство, предложил направить все усилия на поиск решения, и обратиться к памяти. Неожиданный блеск в покрасневших глазах капитана, читай, что не загоревшаяся лампочка над головой, озаменовал решение этой смертельной задачи.

На курсах подготовки к этому путешествию в другой край галактики, преподавали не только вариативность поведения в случае контакта с неземной расой. Хотя это и было основной задачей, с лихвой усыпанной конфетти из газетных заголовков о поиске неизведанных планет и новых данных о структуре вселенной, а также последующим технологическим прогрессом для всего человечества. Не говоря уже о возможной колонизации и попытке водрузить свой флаг из коптящих заводов в поверхность новых земель, словно Нил Армстронг.

За всей этой безумной мишурой в памяти Маршала также остались и основы выживания. На курсах лекций о процессе гибернации, говорилось не только о физических изменениях «до, вовремя и после», но и о самой капсуле. Рычаг автономного открытия!

Рычаг находился за спиной, в районе поясницы. Не самое удобное место, но главное его значение для данной нестандартной ситуации. Нашупав рычаг правой рукой, Маршал без раздумий дернул его на себя. Дверца капсулы, издав пронзительный свист, точно вздернутая за чеку банка газировки, подалась вперед вместе с навалившимся на неё, теряющим сознание капитаном корабля.

Смешанное чувство свободы, обильное количество кислорода и мерзкий пронизывающий до самых костей холод вокруг укутали в невидимую простыню, словно младенца, голое тело Маршала. Он так и остался лежать на крышке капсулы, внимая непрерывным звукам сирены.

Оставшиеся члены экипажа, как мог судить капитан, бегло окинув взглядом, остались целы. Однако живы они или нет, было не известно.

Подняться на ноги не было сил, поэтому он решил ползти. Благо на это он еще был способен. Медленно, разминая заостеневшие конечности, он полз к цели. К главному пульту управления, чтобы узнать, что произошло и сможет ли он устранить причину сбоя в системе.

Пульт высотой не более метра для ослабевшего организма казался неподъемной вершиной в Альпах. Маршал протянул правую руку и с трудом ухватился за край пульта. Подтянувшись на одной руке, он неуверенно закинул вторую руку вверх, точно она была чужой, и попытался использовать её как крюк-кошку. С упорством, которому мог бы позавидовать профессиональный альпинист, он, цепляясь за край пульта обеими руками, подтянулся всем телом пытаясь встать на ноги. И уже шатаясь, но не падая, капитан Маршал смог-таки нажать на кнопку отключения sireны.

В воцарившейся тишине капитан, переведя дух, включил главный монитор состояния корабля. Изучая информацию на экране, он с обреченным видом произнес:

– Какого черта?! Мы летим прямиком на солнце. Вот тебе и жареный бекон с яйцами на завтрак.

Нажав несколько клавиш, Маршал спокойно наблюдал, как защитные жалюзи раздвигались над пультом управления. Медленно, расходясь в разные стороны, они ослепляли его ярким светом Солнца. Даже не смотря на защиту затемненного кварцевого стекла, он чувствовал этот жар. Жар, не оставляющий после себя даже пепла.

– Стоп! Снято! – прозвучало из ниоткуда.

И в этот же момент вокруг все словно ожило, завертелось и заполнилось шумом. Вокруг замельтешили люди, что-то перетаскивая и переставляя. Каждый, кто проходил мимо, восхищался игрой актера вслух.

– Майкл! Ты просто великолепен! С первого дубля! Я горжусь тобой, приятель! – произнес выскочивший первее всех бородатый мужичок по имени Стэн.

Маршал, он же Майкл, заулыбался. По его виду легко читалось, что он еще не вышел из роли, что он еще там. В шкуре обреченного капитана Маршала.

– Спасибо, Стэн. Это все благодаря твоей умело поставленной режиссуре.

Он посмотрел на обычный деревянный стол, на который только что опирался, укрытый зеленым полотном, как, собственно, и вся комната. И в очередной раз удивился, как он быстро вживался в роль, как мог с легкостью представить любую деталь в выдуманном мире его персонажей.

Майкл устало всех поблагодарил и отправился к себе в гримерку. Измученный, но довольный своей работой, он остановился на ступеньке своего трейлера. Кто-то из съемочной бригады или его агент Энтони, что скорее всего, приклеил рекламный плакат фильма, в котором он играет главную роль на входную дверь.

На постере был изображен героического вида капитан Маршал, с легкой небритостью на щеках, грустью и решимостью во взгляде, прикрывавший своим телом красивую, но испуганную девушку. Вокруг этих лирических героев пылало Солнце и устрашающие своим видом монстры, пытающиеся, видимо, навредить этим двоим. А внизу плаката название фильма ярко красными буквами: «Город Солнца». Красочно, подумал Майкл, и на лице проскользнула улыбка.

– Эй, Майкл!? – отвлек его от мыслей Стэн.

– Да?

– Я держу свое слово, твое такси ждет на улице! Желтое, как солнце!

3

Огромная сумма, уплаченная за билет, включала в себя только перемещение из пункта «А» в пункт «Б». О каких-либо комфортабельных условиях и говорить не стоит. Не устраивает? Желающих полно. Радуйся и тому, что ты в списке.

Металлический контейнер, сузивший мир до прямоугольной тёмной комнаты, на вторые или третьи сутки уже стал единственно возможной реальностью. Все его рифлёности и запахи завернулись в обертку домашнего, так горячо любимого уюта. Возможность же существования жизни вне контейнера на десятый или пятнадцатый день казалась фантастической ересью инакомыслящих.

Примерно 1—2 раза в год огромное грузовое судно, с громогласным названием «Red», покидало порт Ленинграда и отправлялось в долгий путь к берегам США. На протяжении приблизительно 30 дней оно огибало на своем пути береговые линии многих европейских стран, красоты которых Михаил мог лишь представлять, сидя в углу контейнера на грузовой палубе. Точно Иона в желудке металлического кита.

Время, важнейшее мерило существования, в определенном смысле взяло отпуск, опровергнув общепринятые законы и понятия о себе. В этом прямоугольном мире теней и перешептываний, точно во сне, ничего не происходило. Абсолютно ничего.

Живой организм из порядка двадцати человек, ютился как сардины в консервной банке в пространстве из 29 квадратных метров. Небольшие зазоры на стыковке верхней и боковых стен пропускали минимально допустимое количество кислорода. Его было достаточно лишь для того, чтобы не умереть от аноксии.

Пустая двухсотлитровая металлическая бочка, приваренная к боковой стене контейнера, разделяя ее на две равные части, служила туалетом. Не прошло и половины пути, как он был практически заполнен человеческими экскрементами. И в моменты, когда корабль сильно штормило, обитатели этой металлической коробки молились не за сохранность судна. Они молились за то чтобы их испражнения не выплеснулись на них же. По этой же причине было принято решение экономить объем туалетной бочки и испражняться «по-маленькому» в мелкую щель внизу дверей.

Постепенно набирающая обороты вонь потных и не мытых человеческих тел, а также их испражнений, регулярно вызвала у всех жителей контейнера рвотные позывы. Но удивительным стало то, что где-то на двадцатом дне пути люди вдруг все разом прекратили извергать содержимое своих желудков. Также неожиданно, как начавшийся и через минуту закончившийся дождь среди яркого солнечного дня.

Несмотря на все лишения и общую картину заточения в этом контейнере, двадцатидвухлетний, уставший и изрядно похудевший за такой короткий срок, Михаил продолжал неустанно верить в успешность эмиграции. И всё же в минуты потери надежды, он вновь доставал скомканный уже тысячу раз клочок бумаги с номером телефона и адресом незнакомого ему человека. Именно этот незнакомец, по словам его матери Екатерины Алексеевны, должен помочь Мише найти ночлег, еду и работу на первое время. Естественно боязнь оказаться один на один с незнакомым городом порождала мелкую дрожь в руках, но Миша дал себе слово не сдаваться, чем бы вся эта поездка ни завершилась.

Непризнанный Колумб, первооткрыватель новых земель Михаил, наконец, услышал этот долгожданный прокуренный низкий голос «Димона», как он настаивал себя называть, Дмитриевича. Зазвучавший, словно голос бога на горе Синае.

- Эй! Есть там живые? – в такт стуку кулаком по контейнеру зазвучали слова Димона.
- Через три часа причаливаем. Калифорния, блеять, на горизонте!
- Как же вы всё здесь заговорили! Мать божья! Вонь то какая!

Преисполненный чувства долгожданной свободы, народ царства консервной банки активно зашевелился. Более находчивые люди, заранее припасшие на последний день чистую одежду, аккуратно запакованную в пищевую пленку, зашуршали разрывая пакеты. Некоторые стали просто шумно обсуждать о своих первых делах «как только они ступят на землю», а кто-то тихо плакал, громко шмыгая носом.

Тридцатидневное путешествие продолжительностью в вечность, торжественно пришло к концу под сладостно-противный скрип открывающихся дверей контейнера. Михаил даже представить себе не мог, какой смрад обрел свободу вместе с заточенными людьми. Но это было и не важно. В считанные минуты, живой цепочкой незаконные эмигранты пробрались сквозь полумрак грузового отделения к выходу на палубу. К свежему осеннему ветру.

Мир встретил их непроглядной тьмой со всех сторон и яркими звездами на небе, мощными лампами грузового порта и размытыми отражениями звезд на поверхности черной воды. На секунду Михаил решил, что очутился в очередной консервной банке, отличающейся лишь необычными размерами.

Димон собрал всех пассажиров вкруг, словно в детском саду воспитательница детей, и молвил:

– Значит так. Слушаем внимательно. Через минут двадцать, не больше, мы швартуемся. Как только начинается разгрузка, вы спокойно выходите и направляетесь в город. Не бежать, не шуметь, не привлекать внимание!! Охрана тут сонная и её мало, но вдруг что, так они как шавки себя ведут, бесконечно лают и делают нервы. Всем ясно?

– Да! – хором ответили все.

Димон невольно заулыбался, довольный послушным поведением своих воспитанников. Но улыбка в момент исчезла. Кто-то вызвал его по рации и определенно сообщил плохую новость.

– Плохие вести! В порту облава. Нас ждут. Я вас не знаю, вы меня. Выкручивайтесь, как хотите, главное резьбу не надорвите! – произнес Димон, собираясь было уходить.

– Ладно. Слушайте сюда, если решитесь, то прыгайте сейчас в воду и плывите вон туда – сказал перевозчик душ Харон, направив палец в обратную сторону от движения судна бухту, – Там куча хлама, это полуживой док. Там валом гнилых контейнеров, неработающих подъёмных кранов и прочего строительного говна. Доберетесь туда и вы на свободе. Вэлком ин Амэ-рика, май фрэндс!

Минуты радостного предвкушения новой жизни вмиг были разрушены. Михаил подошел к поручню и угрюмо посмотрел вниз. И лишь уже в полете, он понял, что не принимал взвешенное осознанное решение, а действовал инстинктивно.

Холодная грязная портовая вода с легкостью приняла в свои объятия потенциальный корм для рыб. Точно первая упавшая костяшка домино, Миша сподвиг остальных последовать его примеру. Автоматной очередью в ночной тишине прозвучали хлопки от приземления в воду с высоты около пятидесяти метров.

С равнодушием, достойным великих чемпионов, Михаил поплыл в сторону заброшенного дока, не обращая внимания на других участников эмиграционной гонки. Но, не смотря на всю свою целеустремленность, собственная одежда была против золотой медали в этом заплыве. Черный свитер, подаренный матерью на прошлый Новый Год, впитав в себя воду, превратился в жидкий якорь, тянущий ко дну. Кроссовки, далекие от идеального состояния, но так сильно любимые, т.к. были куплены с первых собственноручно заработанных денег, мешали ногам работать. Они постоянно норовили соскочить, но этого нельзя было допустить. Миша понимал, что человек в мокрой одежде, безусловно, вызовет подозрение, но человек без обуви и одежды в одних носках минимум претендует на поездку в дом для умалишенных.

Расстояние до суши уменьшалось пропорционально физическим силам. Мышцы, находившиеся на протяжении 30 дней в состоянии анабиоза, пылали огнем. И все же работали, безустанно, как идеально налаженный поршневой механизм.

Добравшись до суши, уже лежа на берегу возле разбитой ржавой лодки и выблёвывая портовую воду, Миша чувствовал приближение к цели. Сквозь учащенное собственное дыхание, будто из другого мира доносились крики утопающих и приглушенный вой сирен.

Окутанный белым паром, словно призрак, Михаил побежал в темноту. На протяжении всей своей жизни ему будет периодически сниться этот берег, крики о помощи и отвратительный вкус грязной портовой воды вперемешку с желудочным соком. И он снова будет бежать. Бежать, скрываясь в кустах и ямах, надеясь не услышать приближающийся звук полицейских сирен.

4

Сделав пару жадных глотков, охлажденного Мохито, Миша аккуратно поставил стакан на барную стойку. Жаркий полдень в Калифорнии брал своё. Освежающий вкус напитка приятной волной из мурашек разлился по всему телу. По-домашнему вытерев влажные руки об шорты, он взял лежащую рядом газету окинув взглядом просторное помещение кафе «Белое безмолвие».

Перелистывая страницы в поисках новостей из мира кино, Михаил не заметил, как в симпатичная блондинка остановилась напротив него.

– Мистер, не угостите ли девушку прохладным мохито?

Михаил нахмурил брови, убрал газету на барную стойку и сердито произнёс:

– Ну наконец-то, Саманта!

Несколько лет назад, катастрофически коверкая английский язык, Михаил осмелился подойти к ослепительно белокурой блондинке и заговорить. Она подрабатывала продавцом в небольшом семейном магазине, что находился в начале того квартала, где он снимал комнату в подвале. Каждое утро перед рабочей сменой в «Л. А. Такси» он заглядывал в этот магазин и произносил одно слово – «Кофе». Иногда это слово произносила она, улыбаясь, с вопросительной интонацией.

Его смешил и влюблял в себя её изящный маленький нос, имевший схожесть с трамплином для прыжков на лыжах, но с чуть вздернутым кончиком. Он ни коим образом не лишал её красоты, а скорее наоборот. В придачу к белоснежным и невероятно ровным зубам, в комплекте шел юмор. Этот любовный коктейль опьянил Михаила.

Несколько месяцев ушло на то чтобы насобирать более-менее пристойную сумму денег и пригласить её на свидание. Оставалось лишь преодолеть языковой барьер.

Английский язык давался ему с трудом, собеседников он понимал, но сказать в ответ практически ничего не мог. В арсенале Михаила были лишь зазубренные цифры, названия улиц, «спасибо» и «кофе». Но не желая более ждать, он заговорил с ней. Заговорил с Самантой.

– Привет. Нет. Кофе сегодня нет. Я хотел предложить кино? Идти со мной? Свиданье?

Она смеясь согласилась. В кино они не пошли, а весь вечер гуляли по набережной.

Эти отношения пустили крепкие корни. Укрепившиеся в последствии появлением на свет их сына Стивена.

– Миша, ну что ты опять хмуришься? Ты знал, что я могу опоздать!

– Во-первых, я в тысячный раз прошу тебя называть меня Майклом! Миша остался на борту судна «Red», и я тебе про него рассказывал. А во-вторых я не знал, что ты можешь опоздать, откуда мне такое знать?

– Хорошо, хорошо... М А Й К Л. Я же тебя предупреждала, что отнесу малыша Стива к своим родителям, чтобы мы могли побыть вдвоем! Вот я и припозднилась.

– Ладно, неважно Саманта. У меня есть сногсшибательные новости!!

– Да? Ты внес оплату за аренду нашей квартиры, как я просила?

– Эмм. Нет. Я забыл.

– Я знала, что муж у меня кроток на память, хорошо, что ты хоть помнишь, как тебя зовут.

– Не надо язвить, у меня действительно суперновость! Помнишь, я тебе рассказывал о пробах на роль в полнометражном кино?

– У тебя их столько было, что я честно говоря уже сбилась со счета. О каких именно речь?

– Научная фантастика «Город солнца»!

– Припоминаю, и что?

– Мой агент Энтони, которого ты считаешь шарлатаном, заходил сегодня ко мне на работу и сказал, что я понравился режиссеру фильма Стэну! И сегодня они меня ждут на повторное, по сути формальное, прослушивание. Ты представляешь? Мне дадут главную роль в фильме!!! Мне!?

Глаза Майкла заблестели от нахлынувших слез радости. Он крепко обнял Саманту. Они простояли так не более двух минут, после чего она со смехом в голосе произнесла:

– А будущая кинозвезда собираться угостить свою жену Мохито? Иначе она может не дожить до вручения ему Оскара.

Заказав у бармена еще один напиток, они сидели за стойкой улыбаясь друг другу, разговаривая о возможностях и будущих перспективах. Наивно летая в облаках, они выбирали дорогую частную школу для Стива, огромный особняк на берегу океана и платье, сочетающееся с красной дорожкой.

– Дорогая, прости что мы не прогуляемся по пляжу как планировали, но мне уже необходимо бежать на пробы. А после них мне еще нужно будет пару часов поработать за рулем такси. Так что буду дома где-то к полуночи. Ты не расстроишься, если я сейчас убегу?

– Нет. Я верю в тебя, и знаю, как это важно! И я думаю в этом кафе всегда найдётся тот, кто захочет угостить меня напитком.

– Саманта!

– Шучу, шучу. Ты же знаешь. Я люблю тебя! Беги уже!

Майкл нежно обнял и поцеловал Саманту на прощание. Собираясь уже выходить из кафе, они заметили, как на улице рядом с кафе упал человек и к нему подбегали на помощь проходящие мимо люди.

– Майкл!

– Да?

– Пей побольше воды, на улице ужасная жара! Я не хочу, чтобы ты где-то еще терял сознание, кроме как у нас дома, узнав сколько денег я потратила на новое платье!

– Люблю тебя! – смеясь ответил Майкл, выходя из кафе.

5

Майкл ушел на кинопробы. Саманта так и осталась сидеть за барной стойкой. Есть она не хотела, поэтому решила заказать еще один коктейль и после уже отправиться домой.

«Муж кинозвезда – подумала она – Невероятно, но все может быть». Поэтому она решила отметить это знаменательное для их семьи событие холодным джином с сицилийским апельсином.

Мужчину, потерявшего сознание возле кафе, уже забрала машина скорой помощи, зеваки разбрелись, а в кафе «Белое безмолвие» работал кондиционер и тихо играла музыка.

Саманта взяла оставленную мужем газету, решила почитать что-нибудь интересное из светской хроники. Но не успев развернуть газету на нужной странице, она услышала женский крик.

Возле входной двери в помещение стояли двое мужчин с надетыми на голову чулками. «Вряд ли это реклама женских колготок, – подумала она, – да и женский крик был не от восхищения, а от страха».

Та самая крикунья лежала на полу перед этими мужчинами держась за левую щеку. Саманта этого не видела, но могла предположить, что один из этих громил сбил ту с ног мощным ударом.

«Стоит ли подставить правую?» – пошутила про себя Саманта, и сама себя одернула, понимая, что не время для шуток.

– Никому не двигаться! Особенно ты, придурок за барной стойкой! Шевельнёшься и я вышибу тебе мозги из этого дробовика! – сказал мужчина в коричневых колготках, через которые виднелись жесткие черные усы.

Окаменев от испуга, Саманта почувствовала, как что-то теплое и мокрое потекло по ее ногам.

Усач поднял дробовик на уровень своих глаз, взяв на прицел застывшего с поднятыми руками бармена и сидящую рядом Саманту, и медленным шагом направился к барной стойке. Второй громил, в черных чулках с проделанной дыркой для носа, меж тем обходил посетителей зала, забирая у тех деньги и драгоценности.

Смесь страха и стыда полностью завладел Самантой. Смотреть, как в твою сторону идет человек с оружием, готовый убить за пару баксов, определенно не входило в ее планы на сегодняшний день. «Она всего лишь хотела выпить и пойти домой. Всего лишь. Неужто это невыполнимая просьба?»

Бармен, стоявший за стойкой чуть слева позади Саманты, сегодня работал первый день, и как ни странно, его не испугали эти грабители. Он был молод и склонен к героизму. Почти что первым, о чем ему рассказал владелец кафе, это где лежит револьвер. Заряженный и готовый к бою. В сейфе. Необходимо было нагнуться, развернуться на 180 градусов, ввести цифры 4-7-9-5 и этим ублюдкам несдобровать!

К сожалению молодого бармена, Усач, направляясь к стойке, зацепился ногой за один из стоящих на пути стульев и непроизвольно нажал на курок. Яростный, словно залп тысяч орудий прогремел выстрел.

От героизма бармена не осталась и следа, когда горстка дробин пробила ему грудную клетку. Он лишь озадаченно смотрел на свою изрешеченную белую рубашку, сочившуюся кровью.

Саманта же ничего не успела почувствовать, её сильно отбросило назад на барную стойку, и на её жёлтом платье с узорами птиц появились пятна крови. Она хотела кричать, но не смогла, дробью ей разорвало в клочья нижнюю челюсть. Её язык колыхался словно галстук на маковом поле, а глаза беспомощно металась из стороны в сторону в поисках помощи.

В момент выстрела все посетители, включая мужчин закричали. Слившись в один крик ужаса.

Меткий стрелок, он же Усач, ошарашено наблюдал за результатом своего меткого выстрела и медленно пятился назад к двери. Сегодня он планировал вернуть карточный долг, а вместо этого судя по всему сядет на электрический стул.

Второй грабитель, быстрее сориентировавшийся в сложившейся ситуации, уже выбежал из кафе, набегу срывая с себя черные чулки.

Понимая, что нужно бежать, и чем быстрее, тем лучше, стрелок тем не менее остановился в проходе двери и скомкано произнес:

– Простите.

6

Майкл открыл глаза. Он лежал в постели и смотрел в белый потолок. Первой мыслью было то что он умер. Оглянувшись по сторонам, он увидел медицинский прибор, измеряющий ритм сердца, капельницу и мужчину, спящего на кресле возле окна.

Это была маленькая комната белого цвета. Было не трудно догадаться, что это больничная палата. Он в больнице. Но почему? Майкл не помнил.

Правой рукой он попытался скинуть себя белую простыню и застыл. Белый медицинский браслет был прикреплен на потрескавшейся и шероховатой, словно бумаге, руке. «Это чужая рука» – подумал Майкл.

Он поднёс обе руки ладонями вовнутрь к лицу и удивленно рассматривал. «Сколько я лежу в этой кровати? Это руки старого человека, не мои» – мелькнуло в его голове. Сердце учащенно забилося и аппарат стоящий рядом пронзительно запищал.

– Папа! Ты проснулся!? – произнес мужчина в кресле.

– Стиви?

В комнату зашла медсестра, тем самым перервав диалог. Проверила пульс и температуру Майкла. Выключила аппарат и улыбаясь спросила:

– Майкл Стоун? Как вы себя чувствуете?

– Уже лучше мэм, почему я здесь?

– У вас Альцгеймер, дорогой. Но не стоит переживать, у вас есть замечательный сын, который позаботится о вас. Он, между прочим, всю ночь провел возле вашей кровати.

– Это из-за этой болезни я ничего не помню?

– В том числе и из-за нее. Также вас вчера нашли без сознания на набережной возле старого кафе, а на дворе была жуткая жара, я вам скажу! Вы еще и солнечный удар получили. Но в целом ваше состояние более-менее стабильное. Думаю, сегодня мы вас выпишем.

– Спасибо.

Медсестра вышла. Майкл посмотрел на взрослого мужчину с легкой небритостью и проступающей местами сединой. «Это мой маленький Стиви? – подумал мистер Стоун, – Как я мог все забыть?»

Словно прочитав его мысли, Стив ответил:

– Эту болезнь обнаружили у тебя несколько лет назад, и она к сожалению, прогрессирует. Иногда ты ясно все помнишь, но зачастую ты даже не знаешь, как тебя зовут.

– Прости меня, своего глупого немого отца.

– Тебе не за что извиняться. Скорее я виноват, что не уследил за тобой вчера. Ты спокойно спал в своей комнате, когда я заходил последний раз тебя проведать. После, я отправился в ванную, а когда вышел тебя уже не было.

– Видимо еще не все силы покинули меня. А что я делал на набережной?

– А ты не помнишь?

В повисшей тишине в голове Майкла точно кадры из фильма вспыхивали воспоминания: душный и зловонный контейнер с людьми, прыжок в грязную портовую воду, приз киноакадемии за лучший дебют в фильме «Город солнца», работа таксистом, и Саманта. Саманта, которая осталась в кафе «Белое безмолвие», когда он отправился на кинопробы. Последующие похороны и самоубийство. Он бы променял миллионы фильмов хотя бы на пару минут жизни Саманты.

Майкл заплакал. Мелкие слезинки покатались по его морщинистому лицу. Стив подошёл ближе к кровати и двумя руками взял ладонь своего отца.

– Все будет хорошо, папа.

Позже тем же вечером Майкла выписали из больницы. Они ехали в автомобиле Стива с открытыми окнами и наслаждались вечерней прохладой. Пролетающий мимо город, заполненный огнями открытых окон, казался чужим и давно забытым. «Альцгеймер? – вспомнил Майкл, – Остроумное наказание. Каждый раз забывать всё, вновь и вновь, сквозь слезы, вспоминать утрату. Хорошее чувство юмора у кого-то там наверху».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.